

Колобаев П. А. Функционирование интертекстем библейского происхождения в современной православной прозе (на материале рассказов-притч О. Л. Рожневой) / П. А. Колобаев // Научный диалог. — 2018. — № 9. — С. 156—170. — DOI: 10.24224/2227-1295-2018-9-156-170.

Kolobaev, P. A. (2018). Functioning of Intertextemes of Biblical Origin in Modern Orthodox Prose (by Material of O. L. Rozhneva's Stories-Parables). *Nauchnyy dialog*, 9: 156-170. DOI: 10.24224/2227-1295-2018-9-156-170. (In Russ.).

УДК 811.161.1'38:82-6

DOI: 10.24224/2227-1295-2018-9-156-170

Функционирование интертекстем библейского происхождения в современной православной прозе (на материале рассказов-притч О. Л. Рожневой)

© Колобаев Павел Алексеевич (2018), orcid.org/0000-0002-1389-1215, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русского языка и речевой коммуникации, федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Сибирский федеральный университет» (Красноярск, Россия), PKolobaev@sfu-kras.ru.

Рассматриваются особенности функционирования интертекстем библейского происхождения в церковно-религиозном дискурсе на материале рассказов-притч О. Л. Рожневой. Актуальность исследования обусловлена значимостью изучения церковно-религиозного стиля, библейской тематики, жанровых особенностей рассказа-притчи. Благодаря использованию комбинации литературоведческого и лингвокультурологического методов выявляется феномен творчества О. Л. Рожневой и его место в современной православной литературе. Новизна исследования видится в обращении автора к ранее не исследовавшимся текстам православной художественной литературы. Предлагается классификация видов интертекстем библейского происхождения: интертекстуальность как соприсутствие в одном тексте двух или более текстов (цитата, аллюзия, плагиат и т. д.), паратекстуальность как отношение текста к своему заглавию, послесловию, эпиграфу, архитектуальность, понимаемая как жанровая связь текстов. Выделяются следующие функции интертекстем библейского происхождения в прозе О. Л. Рожневой: текстообразующая и дидактическая / воспитательная / нравственная; которая, в свою очередь, подразделяется на утешающую, утверждающую в вере и анагогическую (возвышающую человека над миром бренной действительности). С помощью иллюстративного материала охарактеризована идентификация как авторский прием О. Л. Рожневой: она устанавливает ре-

ференцию между своим текстом и библейскими текстами, производя таким образом идентификацию собственного текста. Доказывается, что для этого современный писатель использует архетипические сюжеты (раскаявшийся грешник, чудо исцеления, молитвенная помощь, среди миров «свой» — «чужой», праведники, плод веры, путь к Богу, пастырь добрый, дороги жизни и др.).

Ключевые слова: цитата; реминисценция; интертекстуальность; библейские интертексты; Библия; православная проза; рассказ-притча; идентификация; паратекстуальность; архетипический сюжет.

1. Об изучении теории интертекстуальности

в современной лингвистической парадигме

На современном этапе науки о языке интертекстуальность изучается на материале различных текстов: художественных, публицистических, научных, эпистолярных, электронных гипертекстов и др. [Николина, 2002; Воронцова, 2004; Арбузова, 2007; Рыжков, 2010; Шувалова, 2012; Зубакова, 2016 и др.]. Для художественного произведения «опора на прецедентные тексты (интертекстуальность) является обязательным признаком (обязательной текстовой категорией)» [Зубакова, 2016, с. 4]. Обратившись к исследованию Н. М. Орловой «Библейский текст как прецедентный феномен», можно отметить, что «проблемы прецедентности в настоящее время находятся на пересечении лингвокультурологии и когнитивной лингвистики» [Орлова, 2010, с. 3].

Наше исследование в силу актуальности отмеченной проблемы сконцентрировано на материале церковно-религиозного стиля, в частности художественных произведений, рассказов-притч Ольги Леонидовны Рожневой.

Современные исследователи изучают интертекстуальность текста с двух сторон — читательской и авторской. «С точки зрения читателя, интертекстуальность — это установка на более углубленное понимание текста или разрешение его непонимания за счет экспликации многомерных связей с другими текстами», а «с точки зрения автора — это способ порождения собственного текста и утверждение своей творческой индивидуальности через сложную систему отношений идентификации, противопоставлений и маскировки с текстами других авторов» [Культура русской речи ... 2003, с. 221]. При анализе интертекстем библейского происхождения в произведениях О. Л. Рожневой нами был выбран авторский подход, который проявляется у Рожневой с помощью и д е н т и ф и к а ц и и .

Интертекстуальность художественного текста — это взаимный процесс сотворчества автора и читателя, а если апеллировать представлениями об этом явлении М. М. Бахтина, то «ни одно высказывание не может быть ни первым, ни последним. Оно только звено в цепи и вне этой цепи не может быть изучено» [Бахтин, 1979, с. 340].

Предметом нашего внимания являются интертекстуальные вкрапления библейского происхождения в православной художественной литературе. Отметим, что современные российский исследователи, анализируя церковно-религиозные тексты различных жанров, характеризуют интертекстуальность как «своеобразный знак, эмблему церковно-религиозного стиля» [Смолина и др., 2012, с. 270].

Термин *интертекстема библейского происхождения* впервые был предложен учеными липецкой лингвистической школы. В частности, в работе Е. А. Поповой «Ментальные характеристики интертекстем библейского происхождения в контексте русской языковой картины мира» (2006) названный феномен представляет собой межуровневый реляционный (соотносительный) сегмент содержательной структуры текста (грамматической, лексической, ритмико-интонационной, строфической, композиционной), вовлеченный в межтекстовые связи [Попова, 2006, с. 109].

Как отмечает исследователь, «внимание к духовно-религиозной жизни русской нации и безуспешные попытки возвращения православных стереотипических взглядов, на протяжении веков характеризовавших русский менталитет, вызвало необходимость обращения к фрагменту русской языковой картины мира» [Попова, 2006, с. 6], запечатлевшему, словами Ю. Д. Апресяна, «наивное» [Апресян, 1995, с. 38], или народное, богословие. Известно, что особенности лексико-фразеологического пласта библейского происхождения в русском языке обусловлены, прежде всего, ситуацией древнерусского двуязычия, которое проявилось во взаимодействии исконной восточнославянской и привнесенной церковнославянской лексики. С течением времени два стилистически противопоставленных языковых пласта породили смысловую двойственность, заключающуюся в противопоставлении низкого и возвышенного [Попова, 2006, с. 6]. Это явление не является сугубо лингвистическим фактом, а распространяется на всю русскую культуру. Из этого следует, что изучение интертекстем библейского происхождения позволит сделать заключения не только о языковых особенностях анализируемых текстов, но и о национальной специфике менталитета русского народа.

2. Классификация межтекстовых взаимодействий в рассказах О. Л. Рожневой

В рамках данного исследования представляется целесообразным описать классификацию межтекстовых взаимодействий, которая принадлежит Жерару Женетту. В работе «Палимпсесты: литература во второй степени» (1982) автор предлагает классифицировать интертекстемы, разделив

их на пять разных типов, реализующихся в таких приемах, как цитата, аллюзия, плагиат и др. Данная классификация дает возможность рассматривать проблему интертекстуальности не только в рамках литературоведческого анализа, но и как лингвистическое явление. Обратимся к этой классификации:

— интертекстуальность как «соприсутствие» в одном тексте двух или более текстов (это может быть цитата, аллюзия, плагиат и т. д.);

— паратекстуальность как отношение текста к своему заглавию, послесловию, эпиграфу;

— метатекстуальность как комментирующая и часто критическая ссылка на свой предтекст. Эти взаимоотношения выстраиваются таким образом: один художественный текст связан с другим текстом, при использовании претекста может быть необязательным прямое цитирование, эта связь «сугубо критического вида» [Женетт, 1982, с. 127];

— гипертекстуальность как осмеяние или пародирование одним текстом другого;

— архитекстуальность, понимаемая как жанровая связь текстов. Это отношение, которое рассматриваемый текст поддерживает с собственной родовой категорией [Женетт, 1982, с. 127].

Опираясь на классификацию межтекстовых взаимодействий, мы выявили следующие виды включения интертекстом в рассказах изучаемого нами автора: интертекстуальность, паратекстуальность, архитекстуальность.

1) ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ КАК СОПРИСУТВИЕ В ОДНОМ ТЕКСТЕ ДВУХ ИЛИ БОЛЕЕ ТЕКСТОВ (ЦИТАТА, АЛЛЮЗИЯ, ПЛАГИАТ И Т. Д.). Приведем пример: *Батюшка, но ведь Бог есть любовь!* — сказала Оля с горечью. — Он сам фарисеев критиковал за то, что они обряд на первое место ставили. *Суббота для человека, а не человек для субботы* («Злая Даниловна»).

Одной из причин употребления библеизмов в тексте художественного произведения О. Л. Рожневой является сакральный и назидательный смысл текстов Священного Писания Нового и Ветхого Завета. В данном примере мы видим две цитаты из Нового Завета. Одна отсылает нас к Первому Соборному посланию святого апостола и евангелиста Иоанна Богослова: *Любовь от Бога, и всякий любящий рожден от Бога и знает Бога. Кто не любит, тот не познал Бога, потому что Бог есть любовь* (1 Ин. 4: 7—8), другая же напоминает читателю евангельское событие, описанное апостолом и евангелистом Марком во второй главе. По еврейскому закону в субботу запрещалась какая-либо физическая работа. В одну из таких суббот Иисус Христос с учениками проходил полем, и они стали срывать

колосья. Фарисеи, увидев это, сказали Христу: «Смотри, что они делают в субботу, чего не должно делать». Тогда Иисус, напомнив им рассказ о том, как голодный Давид со своими спутниками вошел в храм и стал есть жертвенные хлебы, которые могли есть только священники, сказал: **«Суббота для человека, а не человек для субботы»** (Мк. 2: 23—27).

Как отмечала З. Я. Тураева, «в художественном тексте цитата, как правило, полностью не ассимилируется. Ее прелесть в особом напряжении между ассимиляцией и диссимиляцией. Она вступает в новые связи, но окончательно с ними не сливается» [Тураева, 1993, с. 11]. Как видим, данные цитаты взаимодействуют друг с другом в одном фрагменте текста, автор их использует для того, чтобы персонаж с их помощью смог аргументировано доказать христианский тезис о безграничной любви и милосердии Бога.

Еще одно взаимодействие цитат находим в другом рассказе «Звонок по сотовому телефону»:

Быстро пересаживаюсь в оптинскую маршрутку. Она тоже полупустая. Протягиваю водителю деньги. А он спрашивает: «Ну что, чуть не опоздала?» Улыбаюсь в ответ: «Да, я уж настроилась пешком идти. Вот погода только сырая да сумка тяжёлая».

А водитель, парнишка молодой, улыбается мне и говорит: «Да, пришлось бы вам пешком топтать, если б не друг мой, водитель городской маршрутки, на которой вы ехали. Он мне позвонил и попросил притормозить немножко на остановке. Говорит: «Тут пассажирка одна к тебе опоздала. С сумкой большой такой. Ты уж её подожди, ладно? Жалко сестрёнку». Я и притормозил».

Вот тебе и здоровяк угрюмый! Сестрёнкой меня назвал...

*Благодарю тебя, отче Паисий, за твоё наставление о **фабрике добрых помыслов!***

«Сердце чисто созижди во мне, Боже, и дух прав обнови во утробе моей!»

Первая цитата (см. выделенный шрифт) представляет собой слова преподобного Паисия Святогорца и взята из его учения о добрых помыслах, которые способны возникать при четырех условиях: подвижник должен видеть в ближних образ Божий; сострадать; сорадоваться; во всем видеть благой Промысл Божий. При этом каждый раз происходит отсечение собственного «я». Добрый помысел и молитва, по учению преподобного Паисия, помогают преодолеть зло как в самом себе, так и в окружающих [Федосия (Тимашева), 2016]. Второе прецедентное высказывание является фрагментом 50 псалма, составленного святым царем и пророком Давидом.

Это так называемый покаянный псалом, в котором царь Давид оплакивает собственный грех, согласно ветхозаветной истории, он убил благочестивого Урия Хеттеянина и овладел его женой Вирсавией.

Таким образом, Рожнева использует эти цитаты, чтобы показать духовное состояние героини, которая является автором-рассказчиком в данном произведении. Случай с водителем городской маршрутки научил ее не строить преждевременные выводы о человеке.

(2) ПАРАТЕКСТУАЛЬНОСТЬ КАК ОТНОШЕНИЕ ТЕКСТА К СВОЕМУ ЗАГЛАВИЮ, ПОСЛЕСЛОВИЮ, ЭПИГРАФУ. Заглавия рассказов О. Л. Рожневой отражают не только содержание, но и духовный смысл текстов, акцентируют внимание читателя на главной мысли произведения. Так, например, в сборнике рассказов «Тесный путь» есть рассказ «В дождливый день я шел по улице», в котором автор-рассказчик описывает свою жизнь, задаваясь вопросом: *Зачем же люди делятся мыслями, воспоминаниями, пережитым? И сердца бьются чаще, и души обнажаются, и льются слёзы?* Далее следует ответ: *Пережитое переполняет душу и выплёскивается в порывах откровенности случайным попутчикам, в ночных исповедях, в беседах по душам. В строках, которые ложатся странными знаками на белоснежный лист и превращаются в твою жизнь. В кладовой памяти не все воспоминания равнозначны. Какие-то почти стёрты, другие вспыхивают жаром краски стыда на щеках, проливаются слезами раскаяния или обиды, хмурят брови незабытым гневом, затаиваются в складках губ скорбями. Говорят, важно не то, сколько вдохов ты сделал в этой жизни, а сколько раз у тебя перехватило дыхание.*

Далее все произведение состоит из коротких рассказов — историй из жизни, которые объединены общей авторской концепцией: благодаря силе христианского духа героиня Ольги Рожневой вытерпела все жизненные испытания, оставшись честным человеком.

(3) АРХИТЕКТУАЛЬНОСТЬ, ПОНИМАЕМАЯ КАК ЖАНРОВАЯ СВЯЗЬ ТЕКСТОВ. Следует отметить, что О. Л. Рожнева воспроизводит всегда один и тот же жанр — рассказ-притчу; подбор произведений этого жанра осуществляется так, что они объединяются в один цикл. Например, рассказы, вошедшие в сборник «Родственные души», повествуют о реальных историях из жизни. На страницах сборника читатель знакомится со сложными людскими судьбами, буднями священнослужителей, прикасается к быту афонских монахов. Каждое такое знакомство превращается в открытие внутреннего мира людей и путей Промысла Божия, образующее «некую единую систему взглядов, своего рода коллективную философию» [Апресян, 1995, с. 38], или коллективное богословие.

3. Функции библейских интертекстов в произведениях

О. Л. Рожневой

3.1. К библейским преданиям автор чаще всего обращается с дидактической / воспитательной целью, чтобы напомнить читателю о грехе, наглядно показать, что бывает с теми, кто ушел от Бога, или наоборот — показать великую силу молитвы, заступничества Бога и скорой помощи в житейских трудностях.

Так, например, в рассказе «Сорок минут» слова молитвы *«Смилуйся, милосердный Господи»* произносятся в кульминационный момент — женщина молит Бога о спасении своего мужа, который только что умер от сердечного приступа. После горячей молитвы происходит чудо — оказывается, что смерть мужа была всего лишь страшным сном.

В рассказе «Поездка к отцу» посудомойщица тетя Даша говорит главной героине, юной Зине, которую несправедливо обидели в привокзальном буфете: *«С тебя, ежели что, спрос другой будет. Потому что ты знаешь: каково это — человеку голодному живётся. Ежели ты это на себе испытала, а потом человека обидишь — спрос-то строже! Понимаешь ли?»* Это реминисценция из Евангелия от Луки: *«А тот, который не знал, но поступил достойно наказания, будет наказан меньше. Ибо кому много дано, с того много взыщется, а кому многое предоставлено, с того больше и спросится»* (Лк. 12:48). Разновидностью дидактической / воспитательной функции интертекстов в рассказах Рожневой является функция утешения, утверждения в вере. Часто персонажи произведений Ольги Рожневой используют библеизмы с этой целью. Обратимся к примерам.

В рассказе «Пропавший Пашка» главный герой заболевает и впадает в уныние: он ВИЧ-инфицирован, а также у него открытая форма туберкулеза: *«Самое страшное заключалось в том, что он ни с кем не мог этим поделиться: знал, что будет проклят родными, станет изгоем среди друзей и знакомых»*.

Никому не было дела до Пашки — никому, кроме Господа. И вот в этот самый страшный для него момент Бог посылает ему Татьяну. Она сама хорошо понимала, что это вовсе не её история, что оказалась она в этой комнате, дабы послужить проводником милости Божией к одинокому и несчастному человеку. *«И Таня стала говорить племяннику о Боге. Она не выбирала слов, надеясь на Бога, ибо не вы будете говорить, но Дух Отца вашего будет говорить в вас»* (Мф. 10, 20).

Здесь примечателен в своем роде «контрапункт» — стык двух текстов — авторского и библейского — в рамках одного предложения, что можно рассматривать как одно из проявлений авторского приема иденти-

фикации. Эта реализация приема не единична. Мы наблюдаем его, в частности, в стилистике рассказа «Звонок по сотовому телефону» (см. приведенную выше цитату из рассказа) и в других произведениях.

В рассказах Рожневой также фигурируют прямые цитаты. Персонажи молятся, используют эти цитаты в разговорах друг с другом. В рассказе «Живый в помощи Вышняго» главную героиню, одинокую старушку, Бог спасает от мошенников благодаря ее постоянной молитве. Она повторяет строки 90 псалма: *«Живый в помощи Вышняго, в крове Бога Небесного водворится. Речет Господеви: Заступник мой еси и Прибежище мое, Бог мой, и уповаю на Него...»*

«Переселились они в другие края, туда, идеже несть болезнь, ни печаль, ни воздыхание...», — говорит герой рассказа «Странник Божий» о своих умерших товарищах-странниках. *Идеже несть болезнь, ни печаль, ни воздыхание* — это фрагмент из кондака, который каждый раз поется в храме на поминальной службе. Безусловно, герою не хватает своих друзей, он скорбит о них, но горячая вера и надежда на встречу «в селениях праведных» помогает ему справиться с потерями. Он верит в то, что души усопших православных христиан находятся в Царствии Божием, они в лучшем мире.

Интертексты являются ключевыми звеньями повествовательной цепи, выражают нравственный и анагогический (возвышающий) смыслы. С помощью библеизмов автор выделяет из обыденных поступков персонажей особенно достойные, соответствующие христианским заповедям. В рассказе «Первая ночь на Афоне» характеристика речи старого схимника — говорил властно, как власть имеющий — это неполная цитата: *И дивились учению Его, ибо Он учил их, как власть имеющий, а не как книжники* (Мк. 1:22).

«Донесешь свой крест — и спасешься», — говорит старец главному герою. Речь схимника является ответом главному герою на его молитву, он выражает точку зрения самого Бога, и это подчеркивается употреблением в его речи библейского сравнения. Он и сам сравнивается со Христом — по отношению к его речи употребляется та же характеристика.

Структура рассказов О. Рожневой схожа с жанром притчи — в них всегда заключено нравоучение, одна мысль, раскрытию которой способствуют в том числе и библейские интертексты.

3.2. Интертекстема может выполнять текстообразующую функцию. В рассказе «Неплодная смоковница» все действие строится вокруг евангельской притчи о смоковнице, которая не давала плодов и засохла по желанию Иисуса Христа: *И увидев при дороге одну смоковницу, подо-*

шел к ней и, ничего не найдя на ней, кроме одних листьев, говорит ей: да не будет же впредь от тебя плода вовек. И смоковница тотчас засохла (Мф. 21:19). В финале главная героиня рассказа, неверующая бабушка Нюра, понимает смысл этой притчи:

— Я вот как думала: не время было той смоковнице-то... Ну, неплод-ной... А Господь сказал, значит, дал ей силы. Бог — он ведь все сможет, так? И мертвого воскресить, и по воде аки посуху... А она заупрямилась, дескать, то да се, дескать, раз не сезон, так я и не обязана... Правильно я поняла, батюшка?

— Да, в общем, правильно... Кто слишком рьяно защищает право смокв на «их» время, тот, пожалуй, и в своем ежедневнике не найдет времени для встречи с Богом. Господь зовет нас, а мы ссылаемся на то, что плодоносить рано, утомительно или просто не хочется. Господь готов сотворить чудо, а мы стоим, бесчувственные, как-то дерево. Она упря-мая была, видно, смоковница та...

Персонажи Ольги Рожневой — это не только миряне, но и священни-ки, монахи. В рассказе «Молитва священника» повествование строится вокруг библейского образа «добротого пастыря» (Ин. 10:11). Главной гер-рой — молодой священник, которому не удастся его служба, у него мало прихожан, нет дара убеждения. Но Бог слышит его молитвы, благодаря которым чудесным образом спасается одна из его прихожанок. В финале священнослужитель понимает, в чем заключается главная задача духовно-го пастыря: *Так вот в чем дело! Нужно почувствовать эту любовь, и тре-вогу, и боль, и тогда рождается пастырь... И овцы слушаются голоса его, и он зовет своих овец по имени и выводит их... и идет перед ними, а овцы за ним идут, потому что знают голос его. За чужим же не идут, но бегут от него, потому что не знают чужого голоса... Пастырь добрый душу свою полагает за овцы...* В образе пастыря сосредоточивается **главный смысл** рассказа.

Как мы уже отмечали выше, при анализе интертекстом библейского про-исхождения в произведениях О. Л. Рожневой нами был выявлен ее автор-ский подход — установление отношений между собственно писательским текстом и библейскими текстами посредством приема и д е н т и ф и к а ц и и .

В одних произведениях в речи персонажа воспроизводятся интона-ционно-ритмическая структура интертекста, характерные для него грам-матические конструкции, присутствуют прямые цитаты из православных молитв («Непонятная книга», «Катя-попрошайка» и др.):

Пустая остановка. Одинокая маленькая фигурка на ледяной скамейке. Снег всё метет и метет, тает на мокрых щеках. Что там за снежной

пеленой? Бабка Ульяна глядится вдаль сквозь песок в глазах, а губы шепчут привычное:

— **Ненавидящих и обидящих нас прости, Господи Человеколюбче. Благотворящим благосотвори. Братиям и сродникам нашим даруй яже ко спасению прошения и жизнь вечную...**» («Непонятная книга»).

Алексею стало жутко: это его последние минуты. Лица сидящих рядом напряглись, превратились в злобные гримасы. Говорят, перед смертью духовный мир приоткрывается. И он увидел: странные тени замелькали в машине, какие-то неправильные злоецие тени. Как же он забыл помолиться перед смертью?!

— **Господи, Иисусе Христе, сыне Божий, помилуй меня, грешного!**
В голове проносилось лихорадочно:

— **Аще бо и пойду посреди тени смертныя — не убоюся зла. Яко Ты со мною еси... Богородице Дево, радуйся...**

И вдруг четко и ясно, как озарение от ангела-хранителя:

— **Живый в помощи Вышняго, в крове Бога Небеснаго водворится. Речет Господеви: Заступник мой еси и прибежище мое, Бог мой, и уповаю на Него.**

Он еще не успел дочитать псалом — а в машине что-то уже неуловимо изменилось. Тени исчезли. Гримасы злобы на лицах его соседей сменились недоумением, непониманием, опасением, страхом («Посреди тени смертныя»).

Показательно, что стилистические особенности интертекста, характерные для приведенных выше примеров, — использование обращений, восклицаний, императивов, инверсии, устаревших слов и словоформ из области высокой лексики религиозно-проповеднического стиля литературы — явственно присутствуют в названиях рассказов О. Л. Рожневой, поскольку последние являются цитатами: «Боже, ущедри и благослови», «Глас хлада тонка», «Посреди сени смертныя», «Живый в помощи Вышняго», «Отче наш», «Сей род ищущих Господа».

В других произведениях предметом изображения становятся житейские ситуации, подобные тем, которые составляют основу библейских сюжетов («Глас хлада тонка», «Кто мой ближний?», «Посреди тени смертныя» и др.):

Отец Савватий слушал и думал: «Как милостив Господь к кающимся грешникам!», слушал и вспоминал разбойника на кресте и Савла, ставшего Павлом

После исповеди батюшка особоровал Леонида и причастил его — старик с благоговением слушал молитвы и песнопения, сам крестился и мо-

лился. А вернувшаяся с кухни Мария тихонько плакала рядом — она была так поражена, что не могла слова вымолвить, только слёзы лились ручьями по её морщинистым щекам. Сбывалось то, о чём она мечтала долгие годы, на что уже почти не надеялась — и что теперь происходило так просто, так естественно, будто исповедь и покаяние её мужа были для него самым обычным делом, будто он всю жизнь сам ходил вместе с ней в храм. Такое тихое, неприметное чудо — как лёгкое дуновение ветра: **«Глас хлада тонка — и тамо Господь»** («Глас хлада тонка»).

В рассказе «Глас хлада тонка» центральной фигурой художественного повествования становится «*работающий, добрый*» атеист Леонид — он *всей душой воспринял атеистическое воспитание, которым в его времена щедро потчевали пионеров и комсомольцев*. Он искренне считал религию опиумом для народа, и горячо возмущался заблуждениями жены, которая этот самый опиум потребляла, причём в слишком больших, по его мнению, дозах.

В финале рассказа с героем происходит чудо прозрения, при описании которого О. Л. Рожнева обращается к образам двух ярких библейских персонажей: **апостола Павла** и **разбойника на кресте** — одного из двух распятых на Голгофе рядом с Иисусом Христом (Лк. 23:39—43).

Искренне раскаявшись во время крестных мучений, разбойник уверовал во Христа, за что и получил обетование «ныне же» пребывать с Ним в раю. Так и *умирающий восьмидесятилетний старик, всю жизнь проживший без Бога*, покаялся так, что у принимающего исповедь священника Савватия мурашки пошли по коже. *Батюшка никак не мог ожидать подобной исповеди от неверующего человека — это была очень глубокая, искренняя, проникновенная исповедь, будто Леонид всегда ходил в храм, жил церковной жизнью и навык к покаянию. Он говорил ясно, чётко, называл грехи без малейшего самооправдания или самосожаления, каялся в том, что жил без Бога.*

Кроме того, в рассказе присутствует еще один библейский образ — из Ветхого Завета. Великий пророк Илия в тяжелое для себя время, когда израильтяне преследовали его и поклонялись идолам, попросил Господа, чтобы Тот Сам явился ему. Ответ ему был дан такой: *Выйди и стань на горе пред лицом Господним, и вот, Господь пройдет, и большой и сильный ветер, раздирающий горы и сокрушающий скалы пред Господом, но не в ветре Господь; после ветра землетрясение, но не в землетрясении Господь; после землетрясения огонь, но не в огне Господь; после огня веяние тихого ветра, и там Господь». По-славянски заключительные слова звучат еще ярче и загадочней: «Глас хлада тонка и тамо Господь» (3 Цар 19:11—12).*

Этим ветхозаветным образом автор подчеркивает, что у каждого человека разные пути к Богу. История атеиста Леонида — это история того, как *благодать Божия изменила этого человека, и можно надеяться, что Господь не лишит его Царствия Небесного, как покаявшегося разбойника. Из умирающего безбожника — добычи ада — он стал верующим. Это Господь восхитил его душу из пропасти и спас.*

Таким образом, все архетипические сюжеты (раскаявшийся грешник, чудо исцеления, молитвенная помощь, среди миров «свой» — «чужой», праведники, плод веры, путь к Богу, пастырь добрый, дороги жизни и др.), которые использует О. Л. Рожнева, являются формой проявления приема идентификации авторских текстов с библейскими текстами.

4. Заключение

Итак, анализируя интертекстемы библейского происхождения в рассказах изучаемого нами автора, мы выявили следующие виды интертекстуальности: (а) интертекстуальность как соприсутствие в одном тексте двух или более текстов (цитата, аллюзия, плагиат и т.д.); (б) паратекстуальность как отношение текста к своему заглавию, послесловию, эпиграфу; (в) архитектстуальность, понимаемая как жанровая связь текстов — рассказов-притчей, объединенных в циклы.

В рассказах О. Л. Рожневой интертекстемы выполняют самые разнообразные функции, среди которых можно назвать две ведущие: **текстообразующую и дидактическую (воспитательную, нравственную)**, из которых последняя, в свою очередь, подразделяется на утешающую, утверждающую в вере и анагогическую (возвышающую человека над миром бренной действительности).

Можно заключить, что О. Л. Рожнева она устанавливает референцию между собственным художественным повествованием и библейскими текстами, производя таким образом идентификацию собственного текста к библейскому тексту. Для этого писательница вводит специфические интонационно-ритмические и грамматические черты в речь персонажей, а также использует библейские сюжетные реминисценции.

Предельно кратко подытоживая рассуждения, скажем: все персонажи произведений О. Л. Рожневой — от монаха до человека, не принадлежащего к служителям церкви, — объединены неравнодушием и отзывчивостью к духовной стороне жизни; все они, включая даже заблудших, алчут пищи духовной. Феномен ее творчества заключается в том, что она в жанре рассказа-притчи продолжила традицию «наивного», или народного, богословия с целью утверждения духовных ценностей православия. Следует отме-

тить, что в России данная традиция была прервана и забыта на несколько десятков лет, поскольку художественные произведения в традициях русской православной прозы не издавались в богоборческие и атеистические годы XX века.

Современная православная проза развивается, отечественные писатели все больше углубляются в библейскую тематику, черпая в Библии образы и символы для своих произведений. Каждый писатель по-своему осваивает библейские интертексты. Таким образом, перед нами открываются обширные перспективы для дальнейшей разработки данной темы.

Литература

1. *Апресян Ю. Д.* Образ человека по данным языка : попытка системного описания / Ю. Д. Апресян // Вопросы языкознания. — 1995. — № 1. — С. 37—68.
2. *Арбузова В. Ю.* Прецедентность в русском языке как лингвистический и культурный феномен (на материале научных и эпистолярных текстов) : диссертация ... кандидата филологических наук / В. Ю. Арбузова. — Липецк, 2007. — 184 с.
3. *Бахтин М. М.* Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. — Москва : Искусство, 1979. — 424 с.
4. *Библия.* Книги священного Писания Ветхого и Нового Завета. — Москва : Российское Библейское общество, 2004. — 1009 с.
5. *Воронцова Ю. А.* Реминисценции в текстах современных средств массовой информации : автореферат диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / Ю. А. Воронцова. — Белгород, 2004. — 233 с.
6. *Женетт Ж.* Палимпсесты: литература во второй степени / Ж. Женетт // *Фигуры* : работы по поэтике. В 2 т. Т. 1. — Москва : Научный мир, 1982.
7. *Зубакова Н. В.* Типологические функциональные характеристики интертекстем в произведениях современной массовой литературы и беллетристики : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / Н. В. Зубакова. — Липецк, 2016. — 240 с.
8. *Культура русской речи* : энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л. Ю. Иванова, А. П. Сковородникова, Е. Н. Ширяева и др. — Москва : Флинта: Наука, 2003. — 840 с.
9. *Николина Н. А.* Поэтика русской автобиографической прозы / Н. А. Николина. — Москва : Флинта: Наука, 2002. — 424 с.
10. *Орлова Н. М.* Библейский текст как прецедентный феномен : диссертация ... доктора филологических наук : 10.02.19 / Н. М. Орлова. — Саратов, 2010. — 549 с.
11. *Попова Е. А.* Ментальные характеристики интертекстем библейского происхождения в контексте русской языковой картины мира : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / Е. А. Попова. — Липецк, 2006. — 268 с.
12. *Рыжков М. С.* Речевые стратегии участников синхронного интернет-дискурса (на материале русско- и англоязычных чатов) : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.19 / М. С. Рыжков. — Воронеж, 2010. — 24 с.

13. Смолина А. Н. Интертекстуальность как стилевая черта церковно-религиозных текстов / А. Н. Смолина, О. А. Лубкина // Мир науки, культуры, образования. — 2012. — № 5 (36). — С. 268—271.

14. Тураева З. Я. Лингвистика текста : лекции / З. Я. Тураева. — Санкт-Петербург : Образование, 1993. — 38 с.

15. Феодосия (Тимашева), монахиня. Фабрика добрых помыслов [Электронный ресурс] / Феодосия (Тимашева). — Режим доступа : <http://www.pravoslavie.ru/92015.html>.

16. Шувалова О. С. Индивидуально-авторские конструкции в современной русской прозе (на примере романа Саши Соколова «Полисандрия») : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / О. С. Шувалова. — Тамбов, 2012. — 221 с.

Functioning of Intertextemes of Biblical Origin in Modern Orthodox Prose (by Material of O. L. Rozhneva's Stories-Parables)

© Kolobaev Pavel Alekseyevich (2018), orcid.org/0000-0002-1389-1215, PhD in Philology, senior lecturer, Department of Russian Language and Speech Communication, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russia), PKolobaev@sfu-kras.ru.

The features of intertextemes of biblical origin functioning in the church-religious discourse on the material of O. L. Rozhneva's stories-parables are considered. The relevance of the study is determined by the importance of studying the church-religious style, biblical themes, genre features of a story-parable. Through the use of a combination of literary and linguistic-cultural methods, the phenomenon of O. L. Rozhneva's creativity and its place in modern Orthodox literature is revealed. The novelty of the study is seen in the author's appeal to the previously unexplored texts of Orthodox fiction. Classification of types of intertextemes of biblical origin is proposed: intertextuality as co-presence in the same text of two or more texts (quotation, allusion, plagiarism, etc.), paratextuality as the relation of text to its title, afterword, epigraph, architextuality understood as a genre link of texts. The following functions of intertextemes of biblical origin in O. L. Rozhneva's prose are distinguished: text formation and didactic / educational / moral; which, in turn, is divided into the comforting, claiming in faith and anagogical (that raises man above the world of mortal reality). With the help of illustrative material identification as a type of O. L. Rozhneva's relation to the biblical text is characterized. It is proved that for this purpose the modern writer uses archetypal plots (repentant sinner, miracle of healing, prayerful help, among "own" — "alien" worlds, righteous persons, fruit of belief, a way to God, kind pastor, roads of life, etc.).

Key words: quote; reminiscence; intertextuality; biblical intertextemes; Bible; Orthodox prose; story-parable; identification; paratextuality; archetypal plot.

References

Apresyan, Yu. D. (1995). *Obraz cheloveka po dannym yazyka: popytka sistemnogo opisaniya. Voprosy yazykoznaniya, 1: 37—68.* (In Russ.).

- Arbuzova, V. Yu. (2007). *Pretsedentnost' v russkom yazyke kak lingvisticheskiy i kulturnyy fenomen (na materiale nauchnykh i epistolyarnykh tekstov)*: dissertatsiya... kandidata filologicheskikh nauk. Lipetsk. (In Russ.).
- Bakhtin, M. M. (1979). *Estetika slovesnogo tvorchestva*. Moskva: Iskusstvo. (In Russ.).
- Bibliya. Knigi svyashchennogo Pisaniya Vetkhogo i Novogo Zaveta*. (2004). Moskva. Rossiyskoye Bibleyskoye obshchestvo. (In Russ.).
- Feodosiya (Timasheva), monakhinya. *Fabrika dobrykh pomyslov*. Available at: <http://www.pravoslavie.ru/92015.html>.
- Ivanova, L. Yu., Skovorodnikova, A. P., Shiryayeva, E. N. [et al.]. (eds.). (2003). *Kultura russkoy rechi: entsiklopedicheskiy slovar'-spravochnik*. Moskva: Flinta: Nauka. (In Russ.).
- Nikolina, N. A. (2002). *Poyetika russkoy avtobiograficheskoy prozy*. Moskva: Flinta: Nauka. (In Russ.).
- Orlova, N. M. (2010). *Bibleyskiy tekst kak pretsedentnyy fenomen*: avtoreferat dissertatsii... doktora filologicheskikh nauk. Saratov. (In Russ.).
- Popova, E. A. (2006). *Mentalnyye kharakteristiki intertekstem bibleyskogo proiskhozhdeniya v kontekste russkoy yazykovoy kartiny mira*: avtoreferat dissertatsii... kandidata filologicheskikh nauk. Lipetsk. (In Russ.).
- Ryzhkov, M. S. (2010). *Rechevyye strategii uchastnikov sinkhronnogo internet-diskursa (na materiale russko- i angloyazychnykh chatov)*: avtoreferat dissertatsii... kandidata filologicheskikh nauk. Voronezh. (In Russ.).
- Shuvalova, O. S. (2012). *Individualno-avtorskiye konstruktсии v sovremennoy russkoy proze (na primere romana Sashi Sokolova «Polisandriya»)*: dissertatsiya... kandidata filologicheskikh nauk. Tambo. (In Russ.).
- Smolina, A. N., Lubkina, O. A. (2012). Intertekstualnost' kak stilevaya cherta tserkovno-religioznykh tekstov. *Mir nauki, kultury, obrazovaniya*, 5 (36): 268—271. (In Russ.).
- Turayeva, Z. Ya. (1993). *Lingvistika teksta: lektсии*. Sankt-Peterburg: Obrazovaniye. (In Russ.).
- Vorontsova, Yu. A. (2004). *Reministsentsii v tekstakh sovremennykh sredstv massovoy informatsii*: avtoreferat dissertatsiya... kandidata filologicheskikh nauk. Belgorod. (In Russ.).
- Zhenett, Zh. (1982). Palimpsesty: literatura vo vtoroy stepeni. In: *Figury: raboty po poyetike. 2/1*. Moskva: Nauchnyy mir. (In Russ.).
- Zubakova, N. V. (2016). *Tipologicheskkiye funktsionalnyye kharakteristiki intertekstem v proizvedeniyakh sovremennoy massovoy literatury i belletristiki*: dissertatsiya... kandidata filologicheskikh nauk. Lipetsk. (In Russ.).